

УДК 343.131.5(470)

О. А. МАКСИМОВ, заведующий кафедрой уголовного процесса Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Ульяновск)

O. A. MAXIMOV, head of a chair of criminal procedure of Ulyanovsk State University, candidate of law, docent (Ulianovsk)

ЕДИНСТВО И УНИКАЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

UNITY AND UNIQUENESS OF THE LEGAL INSTITUTE OF PETITIONS AND COMPLAINTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В работе раскрывается значение единства правового института ходатайств и жалоб, основанное на единстве цели, диспозитивности рассматриваемых средств, единого механизма реализации права на ходатайство и жалобу путем запуска к действию публичных полномочий процессуальных органов. Делается вывод о значительных отличиях ходатайств и жалоб как средств защиты прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, от иных обращений – заявлений, отводов, требований, мнений, выступлений в прениях и т. д. Содержание требований не всегда соответствует тому, как они поименованы в законе. Путаница в терминах, характерная для действующего УПК РФ, препятствует полноценной реализации права на ходатайство и жалобу, так как оставляет возможность применения при разрешении требований к процессуальным органам неспецифических средств.

Ключевые слова и словосочетания: ходатайства, жалобы, заявления, отводы, мнения, прения, уголовный процесс.

Annotation. The paper reveals the significance of the unity of the legal institution of petitions and complaints, based on the unity of purpose, the discretion of the means under consideration, a single mechanism for exercising the right to petition and complaint by launching the public powers of procedural bodies into action. The conclusion is made about the significant differences between petitions and complaints as a means of protecting the rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings from other appeals – statements, challenges, demands, opinions, speeches in debates, etc. The content of the requirements does not always correspond to how they are named in the law. The confusion in terms, characteristic of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, prevents the full implementation of the right to petition and complaint, as it leaves the possibility of using non-specific means when resolving requirements for procedural bodies.

Keywords and phrases: petitions, complaints, statements, challenges, opinions, debates, criminal proceedings.

Ходатайства и жалобы несомненно обладают общими чертами, отличающими их от иных форм обращений лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Сходство это проявляется прежде всего в их общей волевой (правозащитной) направленности [1, с. 34; 2, с. 35]. Цель и ходатайств и жалоб как элементов уголовно-процессуальной формы – не принятие конкретного

решения или производство определенного действия, а реализация имеющихся в связи с процессуальным или реальным статусом прав и законных интересов по осуществлению судопроизводства в форме, гарантирующей достижение назначения уголовного процесса, – например, установление обстоятельства, изменение процессуального положения и т. д., – с помощью производства

требуемых действий или принятия решений. Таким образом, они направлены на приведение в «действующее», «рабочее» состояние имеющегося у обращающегося права и тем самым на организацию уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с уголовно-процессуальной формой, гарантирующей достижение уголовного судопроизводства.

Еще один значимый момент – невозможность реализации таких прав без активности заявителя какими-либо иными уголовно-процессуальными средствами и диспозитивность таких прав. Исследователи имеют противоположную точку зрения на то, является ли право на ходатайство и жалобу диспозитивным. По мнению А. М. Юсубова, оно диспозитивно [3, с. 57]. И. С. Дикарев с этим не согласен по причине возможности реализации этого права только по усмотрению должностного лица или органа [4, с. 80].

Мы безусловно относим такое право к диспозитивному. И ходатайство, и жалоба подаются лицом, обладающим процессуальным статусом, включающим в себя право на требование от компетентных органов реализации их полномочий по принятию решений и производства действий (бездействия) по собственному решению. О диспозитивности ходатайств и жалоб свидетельствует и право на отзыв такого обращения, неминуемо влекущий отсутствие производства по такому обращению. В то же время обращение в суд процессуального органа или лица в порядке ст. ст. 105.1–109, 114, 115, 165, 214.1 и др. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не обладает признаком диспозитивности, так как основано на публичном требовании о реализации соответствующих функций государственных органов и должностных лиц в уголовном процессе. Активность сторон, основанная на их процессуальном статусе, – неотъемлемая часть состязательности. Основной способ ее реализации лицами, вовлеченными в уголовный процесс – ходатайства и жалобы. Таким образом, институт ходатайств и жалоб гарантирует состязательное построение процесса.

Третий объединяющий эти явления признак состоит в том, что и ходатайства и жалобы запускают к действию публичные полномочия процессуальных органов. Несмотря на отнесение процессуальных органов досудебного производства к стороне обвинения, что позволяет говорить о запрете для них «заниматься защитой личности от необоснованного обвинения» [5, с. 127–133; 6, с. 122–125], требования ст. ст. 7, 9–16, 73 УПК РФ заставляют лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурора и суд применять свои полномочия в интересах обращающихся лиц.

Еще один важный момент заключается в том, что и ходатайства и жалобы – требования, а не просьбы. Как уже отмечалось, они заявляются в целях реализации тех возможностей, которые заложены в публично-правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений на нормативном уровне. Обращение с просьбой о совершении действия (принятия решения), которое не заложено в рамки уголовно-процессуальной деятельности, ни ходатайством, ни жалобой, в придаваемом нами смысле, расценено быть не может. Его можно рассматривать как просьбу и следует разрешать вне рамок уголовного дела. Кроме того, обращение с ходатайством (жалобой) само по себе влечет обязательное его рассмотрение, что также не соотносится со значением слова «просьба», предполагающим «призыв», в отличие от «требования», являющегося «притязанием», «распоряжением».

Таким образом, несмотря на существенные различия, ходатайства и жалобы представляют собой единое правосстановительное средство, что позволяет нам включать в содержание принципа права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) и то и другое, и доказать единство указанного правового института. Выявленные нами существенные черты позволяют отделить «правосстановительные» ходатайства и жалобы от иных процессуальных явлений, терминологически сходных с рассматриваемыми, – ходатайств и жалоб процессуальных органов,

жалоб на окончательные решения суда и т. п.

Отграничение ходатайств и жалоб от иных форм обращений в уголовном процессе необходимо на практике для единообразия процессуального режима работы с ними.

Термин «заявление» в УПК РФ используется в различных значениях.

Обязательность предупреждения лица, подающего заявление, о преступлении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос свидетельствует о том, что законодательно охраняемой ценностью в данном обращении является именно информация. И. А. Тутикова указывает, что если в жалобе содержатся конкретные обвинения в совершении преступления, то заявитель должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос [7, с. 22]. Публично-правовые последствия, в большинстве (за исключением дел частного обвинения) случаев не зависящие от заявителя, не позволяют рассматривать право на подачу заявления о преступлении в качестве права диспозитивного. Отозвать поданное заявление невозможно, жалобу же и ходатайство всегда можно отозвать до момента их разрешения. Даже поданное пострадавшим лицом заявление не дает ему возможности защитить свои права и законные интересы, кроме как добиваться законного рассмотрения заявления и знать о принятых по нему решениях. Для этого требуется (в случае, если уголовное дело было возбуждено) отдельное решение о признании потерпевшим и реализация прав потерпевшего в уголовном деле. Таким образом, волевой компонент не является обязательным элементом заявления. Отмечаемая в науке отстраненность заявителя от процессуальных функций подчеркивает характер заявления о совершении преступления как информационного повода для возбуждения уголовного дела и факультативность его правоохранительной направленности.

Заявление о явке с повинной, упомянутое в ч. 1 ст. 142 УПК РФ, обладает теми же свойствами, что и заявление о преступлении, «поскольку это тоже заявление о преступлении, предположительно совершенном самим зая-

вителем, как это и указано в его заявлении» [8, с. 133]. По этой причине мы не будем останавливаться подробно на его существенных отличиях от ходатайств и жалоб.

В частях 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» упоминается возможность подачи «заявления об ускорении рассмотрения дела». Это достаточно новый вид обращения в российском уголовном процессе, при этом он отличен от ходатайств и жалоб. Специфика ходатайств и жалоб заключается, в том числе в том, что они направлены на создание юридически значимых последствий путем применения полномочий процессуальных органов. Результат же рассмотрения указанного заявления – скорее организационный, чем уголовно-процессуальный. Суд независим при рассмотрении уголовного дела и постановление председателя суда не может касаться ни существа ни процедуры рассмотрения дела. Таким образом, заявление об ускорении рассмотрения дела – не требование, а просьба, не подкреплена полномочиями процессуальных органов и, несмотря на наличие некоторых общих черт, не может быть отнесено к ходатайствам или жалобам.

Статья 64 УПК РФ предусматривает заявление об отводе как самостоятельный вид обращения. Значение заявления об отводе состоит в доведении информации о наличии обстоятельств, препятствующих участию в деле, причем при наличии таких обстоятельств лицо, ими связанное, обязано само устраниваться из дела, даже если все остальные участники процесса не возражают или желают его участия. О какой-либо диспозитивности распоряжения правом на отвод говорить также не приходится. Данный институт публично-правовой. Различия отводов и рассматриваемого нами в качестве предмета исследования института подчеркивается и тем, что заявление об отводе не может быть заявлено повторно, кроме случаев повторного заявления отвода в суде после отказа в нем на досудебной стадии (ч. 3, 4 ст. 62 УПК РФ). Ходатайства же (как и жалобы) могут быть заявлены неограниченное количество раз.

Статья 330 УПК РФ говорит о возможности заявления о том, что вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела образованная коллегия присяжных заседателей в целом может оказаться неспособной вынести объективный вердикт. Полагаю, что такое заявление в какой-то степени является применением правил ч. 2 ст. 61 УПК РФ о невозможности участия в уголовном процессе при наличии какой-либо заинтересованности в исходе уголовного дела применительно не к конкретному лицу, а ко всей коллегии присяжных заседателей. Так, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, тенденциозность может быть вызвана однородностью состава коллегии присяжных [9]. Полагаю, что однородность как причина тенденциозности обуславливается тем, что однородный состав имеет общие интересы, которые не могут быть преодолены по отношению к конкретному делу. Поэтому единство возрастных, социальных, профессиональных и иных факторов ведет к односторонней, основанной на общем для всей членов коллегии, собственной заинтересованности и невозможности всесторонне и объективно оценивать обстоятельства рассматриваемого дела и принять по нему справедливый вердикт.

При этом формальных, то есть информационных критериев для признания коллегии «тенденциозной» закон не определяет и определить не сможет по причине того, что в отношении одного преступления однородная коллегия будет в состоянии вынести объективный вердикт, а в отношении другого – нет. Таким образом, оценивая коллегия по существу, заявитель выражает свою волю на определение состава суда – требует применить полномочия процессуального органа с целью защитить его от возможного необъективного вердикта. Право на это принадлежит только стороне, невозможно к реализации без заявления требования и в полной мере является диспозитивным.

Все это позволяет нам отнести рассматриваемое правовое средство к ходатайствам, несмотря на использование законодателем термина «заявление». В подтверждение нашего мнения следует также указать исполь-

зование Верховным судом термина «ходатайство» в отношении рассматриваемого инструмента в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. Отметим, что это не явилось решающим аргументом по причине привычности достаточно вольного обращения как законодателя, так и судебной власти и правоохранительных органов с терминологическим аппаратом вообще, а в отношении различных видов обращений в уголовном процессе – в наибольшей степени. Один и тот же инструмент в различных случаях может называться по-разному, а различные средства порой имеют одинаковые названия, что, наряду с другими основаниями, и подтолкнуло нас к проведению данного исследования. Еще одним аргументом является сформулированное в том же самом Постановлении требование о мотивированности и обоснованности такого обращения.

Требование реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда и о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав (ч. 2, 3, 4, 5 ст. 135, 138, п. 1 ст. 397 УПК РФ), несмотря на непоименование его ходатайством, однозначно является таковым. Оно представляет собой диспозитивное волеизъявление о желании реализовать права, ранее предоставленные (признанные) специальными решениями процессуальных органов в связи со статусом обращающегося и имеющимися полномочиями суда. Интерес обращающегося направлен на реализацию положений, гарантирующих соблюдение процессуальной формы – защиту прав личности, вовлеченной в уголовный процесс, путем применения санкции за незаконное применение мер принуждения, что отличает его от интереса гражданского истца, направленного на обеспечение имущественного интереса путем использования уголовно-процессуального инструментария. Имеет четко выраженный явочный характер, за исключением размера вреда. В качестве основания такое ходатайство содержит ссылку на допущенные в отношении лица нарушения, при этом обращающийся не ставит вопрос об оценке этих

действий (решений), так как эта оценка уже сделана, что отличает его от жалобы, несмотря на сходность оснований требования. П. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ не случайно называет такое требование ходатайством.

Согласно ст. 328 УПК РФ (ч. ч. 5, 6), кандидаты в присяжные заседатели заявляют ходатайства о невозможности участия в судебном разбирательстве, освобождении от участия в рассмотрении уголовного дела. Обстоятельства, препятствующие исполнению обязанностей присяжного заседателя указаны в пункте 2 ст. 7 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Именно эти причины указывает лицо согласно ч. 4 ст. 328 УПК РФ, и данные основания представляют собой информационный повод для однозначного решения об их исключении из списка присяжных заседателей наряду с требованиями ст. 3 упомянутого Закона, ч. 3 ст. 326 УПК РФ и иными основаниями для отвода, указанными в УПК РФ. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 (в действующей редакции) обязывает лицо, составляющее предварительный список присяжных заседателей, по собственной инициативе, без соответствующего заявления, проверять наличие вышеуказанных обстоятельств, как и иных обстоятельств, по закону безусловно препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, что кандидаты в присяжные заседатели в случае выявления обстоятельств, которые препятствуют их участию в рассмотрении уголовного дела (ч. ч. 2, 3 ст. 3 и ст. 7 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», во всяком случае не допускаются к исполнению обязанностей присяжных заседателей и подлежат исключению председательствующим из предварительного списка [10; 11; 12]. Обращения с такой информацией срод-

ни отводу (самоотводу) и не имеют волевой составляющей, что не позволяет нам отнести их к ходатайствам.

Отсюда мы делаем вывод, что ходатайства, упомянутые в ч. ч. 5, 6 ст. 328 УПК РФ, подаются на основании ч. 7 ст. 326 УПК РФ, являются толчком к рассмотрению заявленного ходатайства, но не ведут к обязательному, обусловленному лишь наличием соответствующей информации, решению об освобождении лица от исполнения обязанностей присяжного заседателя. Они обладают признаками ходатайства, входящего в исследуемый нами институт, – заявляются с целью освобождения от возможного уголовно-процессуального статуса присяжного заседателя, основаны на имеющемся праве не участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя, могут быть заявлены или не заявлены (то есть диспозитивны), запускают к действию публичные полномочия суда.

Прения внешне представляют собой ходатайства, так как их основная цель – обосновать мнение о принятии интересующего решения. Однако целью выступления в прениях является не защита прав выступающего или лица, в чьих интересах высказывается выступающий, а принятие по делу правосудного решения. Они не запускают к использованию полномочия процессуальных органов. Приговор будет вынесен не в связи с тем, что об этом просят, а в связи с публичной необходимостью. То есть прения – не требования, в отличие от ходатайств и жалоб. Кроме того, право на прения, в отличие от ходатайств и жалоб, является не средством выражения диспозитивности, а обязательным элементом процессуальной деятельности. Таким образом, прения не выражают желание субъекта на принятие решения или совершение действия. В ст. 119 УПК РФ совершенно справедливо указано, что лицо «вправе заявить ходатайство». Таким образом, ходатайства отличаются от иных обращений тем, что они могут и не быть заявлены. Отсутствие ходатайства приводит к тому, что указанные права остаются нереализованными и не могут реализовать-

ся никаким иным образом. Аналогичный характер имеет и выступление с репликой.

В УПК РФ имеются еще несколько способов обращения лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, к процессуальным лицам и органам, ведущим уголовный процесс. Законодатель использует термины «высказывать позицию» (ч. 3. ст. 335 УПК РФ), «изложить позицию» (ч. 2 ст. 399 УПК РФ), «довести позицию» (ч. 3 ст. 473.4 УПК РФ), «разъяснить мнение» (ч. 4 ст. 80 УПК РФ), «изложить мнение» (ч. 1 ст. 248 УПК РФ), «выступить» (ч. 2 ст. 18 УПК РФ) «выступить с репликой» (ч. 4 ст. 125, ч. 6 ст. 242 УПК РФ), «обращать внимание суда» (ч. 1 ст. 284 УПК РФ), «представлять суду письменные формулировки» (ст. 244 УПК РФ). Мнения высказываются сторонами по предложению суда по различным вопросам (ч. 2 ст. 271, ст. 272, ч. 4 ст. 274 и др. УПК РФ).

Все эти обращения имеют только информационную сторону, в них выражается мнение, сообщается информация, однако не выражается интерес лица на приведение в движение механизма уголовного судопроизводства, отсутствует требование. Они не являются основанием для совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, что и отличает их от жалоб и ходатайств, имеющих целевую направленность на принятие по делу каких-либо решений и совершение действий по делу.

Все это позволяет отграничить исследуемый нами правовой институт от упомянутых выше средств обращения.

Пункт 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ предусматривает право эксперта на заявление ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. Как видно уже из законодательно установленных целей данного обращения, оно не имеет своей целью реализацию процессуального интереса заявителя как личности, а направлено на реализацию профессионального интереса, экспертной инициативы [13, с. 68]. Также сложно говорить о диспозитивности такого обращения – оно вызвано не желанием реализовать свои права, а необходимостью выполнить обязанность по правильному проведению исследования. Таким образом, эксперт обращается только если это необходимо, а отказ от использования такой возможности приведет к недопустимости заключения эксперта.

Терминологическая путаница имеющая место в законодательстве оказывается значительным препятствием для реализации права на ходатайство и жалобу. Такие препятствия порождают не только обозначение в качестве ходатайства или жалобы явлений, не обладающих их признаками, но и подмена одного из них другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Насонова И. А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 34–38.
2. Зеленская Ю. Е. Ходатайства, жалобы: сходства и различия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68). С. 33–40.
3. Юсубов А. М. Принцип публичности в советском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1988. 184 с.
4. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография / под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005. 164 с.
5. Григорьев В. Н. О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 127–133.
6. Григорьев В. Н. Нормативные формулировка назначения уголовного судопроизводства и его реальное содержание // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 122–125.
7. Тутикова И. А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст. 124 УПК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 32 с.

8. Тарасов А. А. О процессуальном статусе «заявитель о преступлении» // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 131–141.

9. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/ (дата обращения: 27.01.2022 г.)

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1478-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision110426.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1218-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision110426.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1445-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision555345.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

13. Дьяконова О. Г. Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством экспертизы, как реализация экспертной инициативы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 66–78.

© Максимов О. А.

УДК 343.132:004.773.5(470)

А. В. ПОБЕДКИН, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. POBEDKIN, head of the criminal politicians chair of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of law, professor (Moscow)

**ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ:
РАМОЧНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ**

**PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS
USING VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION SYSTEMS
IN THE PRE-COURT PROCEEDINGS:
FRAMEWORK OF PROCEDURAL GUARANTEES**

Аннотация. В статье анализируются новеллы отечественного уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие возможность производства с использованием систем видео-конференц-связи допроса, очной ставки, опознания. Обращено внимание на широкую рамочность процессуальной регламентации производства указанных действий, что ставит под угрозу процессуальные гарантии. Рассмотрены различные варианты производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи в зависимости от места нахождения их участников. Предлагаются наиболее приемлемые действия должностных лиц в различных ситуациях и направления совершенствования уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова и словосочетания: видео-конференц-связь, цифровые технологии в уголовном судопроизводстве, дистанционный допрос, опознание, очная ставка.